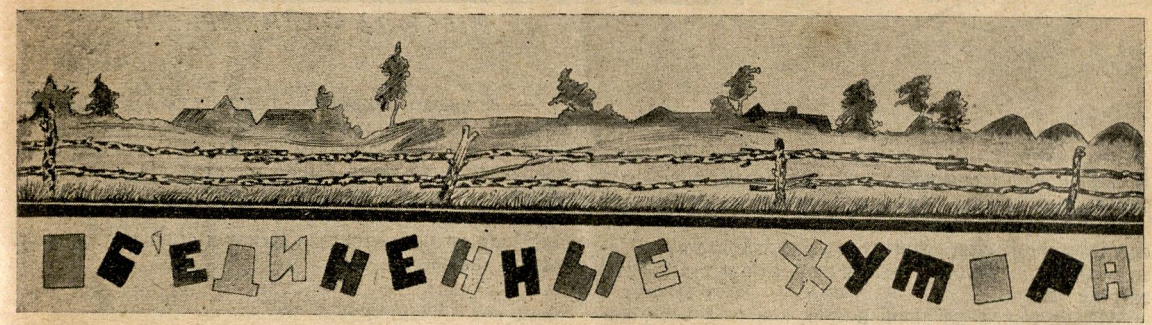
Ежемесячный литературно-художествен. журнал.

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей.

III год издания. | Декабрь 1928 года. | № 12 (25)

Об'единенные хутора

I.

Когда в бричке епифанский
Проезжал селом исправник,
Д.-темна возились в поле,
Осыпали землю потом,
Напивались дико в праздник
И дрались, и пели песни.
Сотни лет взрыхляли землю
Для помещиков, для церкви,
А себе—для корки хлеба
С мутной, кислою похлебкой.
Гнули шеи враз крестьяне,
Все, спеша, снимали шапки.

Утекали в небыль годы,
Оглянулся—жизни нету,
Только старая лозина
У избенки веткой машет...
И отдавший жизнь и силу
Надевал венец бумажный
И ложился на погосте
Под трепещущей осиной.

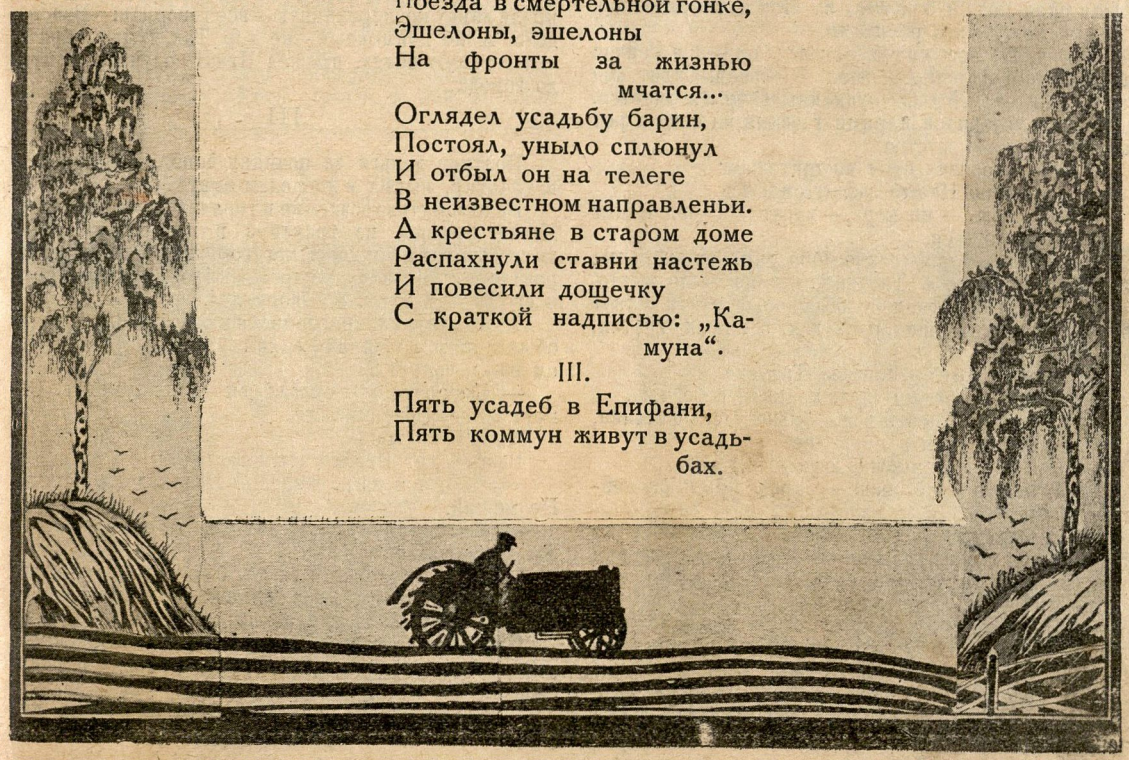
II.

То не вихри, то не вьюга
Крутит смерть в бездонной яме,
Рушат сгнившие устои
Люди хаток и подвалов.
Ошалев, глотают рельсы
Поезда в смертельной гонке,
Эшелоны, эшелоны
На фронты за жизнью мчатся...
Оглядел усадьбу барин,
Постоял, уныло сплюнул
И отбыл он на телеге
В неизвестном направленьи.
А крестьяне в старом доме
Распахнули ставни настежь
И повесили дощечку
С краткой надписью: „Камуна“.

III.

Пять усадеб в Епифани,
Пять коммун живут в усадьбах.
Вместе все об'единились
И купили себе трактор.
Хутор Грязный—яблок пропасть,
Хутор Львовский—в огородах,
Полуденский—пашет поле,
Красный хутор—рожь молотит.
Ввечеру читают книги
В чистой комнате крестьяне.
Сыплет свет жемчужный месяц
На сады, на огороды...

Ив. Костин.

РАССКАЗ С. ДМИТРИЕВА

I.

ОДЕТЫЙ инеем лес кажется с поляны снежной розовеющей горой, уходящей в морозную мглу неба, а сторожка—избушка из сказки. Над сто ожкой веет легкий дымок, сосны осыпают иней, снега вокруг неярко отливают розово-золотистым блеском, и птицы не нарушают глубокой зимней тишины

Игнат дошел до дачи номер сорок девять, посмотрел на глухо заколоченные досками окна и двери, за дачу—в лесную, голубую глушь и, поправив берданку за спиной, повернул лыжи обратно.

— Все в порядке,—вслух сказал он.

Да и кто чего воровать будет в пустых дачах?

Правда, в прошлом году был случай—на седьмой даче оторвал кто-то оконную обшивку,— наверно, городские мальчишки, хулиганства ради.

... Игнат вышел на широкую поляну. Мгла редела и вдали смутно мерещился городок, над ним медленно колыхалось небо—шел дым из труб.

Закачавшись в тишайшем воздухе приплыл из города звон.

«Попить чаю, да и в город»,—подумал Игнат.

В город ему необходимо по трем причинам: во-первых—снести починку, во-вторых—купить надо кое-что и, в-третьих—тянула скука на народ, хотелось поговорить, выпить, пожаловаться какому-нибудь приятелю на жизнь, отвести душу.

Дома поспел самовар, Пашка с Егоркой, обжигаясь, ели картошку, Татьяна суматошилась у печки. Игнат снял полушубок, влез за стол и, покряхтывая в тепле, пошутил с ребятами.

— Вот, вы все спите,—сказал он,—а я сейчас зайца какого видел! Ах, заяц! Вот заяц! Сидит под елкой, уши—во! Больше рукавицы Сидит и смеется.

Пашка уставился карими глазами на отца и рот разинул от любопытства.

А Егорка сказал отцу внушительно:

— Брешешь. Нешто зайцы смеются.

— Не хошь — не верь,— вдруг посерел Игнат и жалко сморщился.

Татьяна готовила месиво поросенку, из окорепка шел на нее пар, а Татьянино лицо было желто, как пакетная бумага, и ее большой, упругий живот говорил о предстоящих расходах, о новых тратах, о лишнем рте.

— Мука доходит,—сказала Татьяна.

— Знаю,—ответил Игнат, наливая себе чаю.

— Крупа тоже почти вся,—разогнулась Татьяна, скосив губы от боли в пояснице.

— И сахарцу немножко осталось.

Знаю, нешто я не знаю,—старался быть спокойным Игнат.

— Ешь, вот, горячую,—поставила Татьяна на стол чугунок с разварившейся картошкой. Вытерев руки об фартук, Татьяна села за стол и, крестясь в передний угол, загоговорила:

— Деньги-то получишь, да может Савелий долг отдаст,—задаром нешто ты ему сапоги-то чинил,— получишь—купи муки пшеничной хоть фунтиков пять, да селедочек. Страсть хочется соленького. Да перестаньте вы, галманята,—остановила Татьяна раскричавшихся ребят.

— Денег-то нехватит,—попроси ты у Власа-то,— сказала она Игнату. Неужели нельзя в кооперативе-то в долг чего взять Он, Влас-то, што сам стал одеваться, што жену выряжать стал. На жалованье што-ль... гостей, вон, то и дело сзывает. Всего вдосталь.

Мало ли чего,—сказал Игнат и опрокинул чашку вверх донышком.

II

День заголубел ясно и просторно. Снег блестел мелко и остро. Глубоко вдавленной в снег узкой тропинкой через поле шел Игнат в город,— хруст снега колко отдавался в ушах.

Так же вот и в детстве мороз разбитой стекляшкой звенел, а Игнат с братом Влаской на на скамейках катались. Тогда у Власа голова была клином, белая, и брови белые; был Власка мальчишкой озорным, злым, любил, чтоб всегда его верх был и часто разбивал Игнату нос в кровь. А раз они сидели на печке, Влас зацепил Игнату ноздрю крючком тулупа, Игнат орал благим матом, а Власка ржал и дергал крючек до тех пор, пока не разорвал Игнатке ноздрю. И по сей день заметка у Игната—ноздря рваная.

А все-таки—брат. Теперь богатеет. Должность в кооперативе хоть и неважную занимает—керосин накачивает и за дворника—а жизнь хорошая, доходная Слышно—строиться собирается. А Игнату вот—не поможет. Забогател. А кто не знает, откуда богатство к Власу пришло? В прошлом году обокрали лавку кооперативную—все говорили:—Власово дело. А не пойманный—не вор. Так, думая о брате, тая горькую обиду, прошел Игнат получасовой путь до города.

III

Получив деньги за починку сапог, Игнат зашел в трактир, выпил и пошел к брату

Вино замутило сознание и горячей разожгло обиду. Игнат пришел из трактира в кооператив, хотел вызвать брата на двор, поговорить, но Влас поздоровался с Игнатом недружелюбно, сердито сунув в его ладонь руку, и отвернулся.

Игнат закурил, прислонился к столбу, заклеенному объявлениями, и, пряча едкий смех в усах, стал смотреть вокруг

— Кооператоры,—сказал он усмехнувшись. Обмеривайте Обвешивайте.

Хы! Человеки...

Влас обжег Игната злым взглядом.

— Чего зря язык чешешь? Налакался... Пусти... Не мешай.

— Язык,—качнулся Игнат. Сам ты язык чешешь.. Ты думаешь, што...

Влас, не глядя на Игната, большим совком насыпал из ларя муку в мешок, мешок за концы придерживала баба в пестром платке.

Игнат долго мутно смотрел на Власа, на его рыжую, запыленную мучной пылью, бороду и вдруг сказал:

— Ты думаешь, не знают добрые люди, кто о прошлом годе кооператив обворовал? Зна...а...ют...

Влас насторожился, свел брови, шибко засопел носом и, приподняв мешок, пристукнул его об пол, прикусив до крови губу. Мужики и бабы, толпившиеся в лавке, смотрели любопытно на Игната, а он поднял согнутую в локте руку и погрозил пальцем:

— Все знают... На каки денежки пиры-балы справляешь.

Черный мужик, в высокой папахе засмеялся:

— Так его...

— А то молчать што ль буду, — вскинулся Игнат, — молчать не буду, не утаю правды...

— Вор!—вдруг выкрикнул он.

Тогда зав лавкой закричал:

— Граждане, к двери которы, покличьте милиционера. Черный мужик дернул Игната за рукав:

— Иди, не толкись. Иди с богом. Он протолкал Игната к открытой двери, в лавке захохотали, и Игнат почувствовал, что его провожают десятки смеющихся глаз.

Перешагнув порог, он остановился, поправил шапку на голове; на руку упала с крыши капля, крупная и холодная, и от капли мельчайшая брызга попала на щеку, ветром охладило горячее лицо и в голове сразу посвежело.

Игнат увидел, что под ногами у дверей лавки было сыро и сорно, снег был смешан с опилками, с клочками сена, с подсолнечной кожурой и окурками; напротив лавки стояли лошади, жевали сено, а у лошадиных морд, на санях в соломе, на дугах, сидели, прыгали и гомонили прыткие воробьи.

— Эх, пичужки милые,—сказал Игнат воробьям. Он вспомнил что пропил полтинник, пожалел, пошел в соседнюю лавку, купил фунт сахару, три фунта муки пшеничной, фунт семячек ребятам,—на сотку нехватило денег — Игнат махнул рукой и пошел к дому.

IV

Вершинами плывет ветер, сосны шумят тихим, смутным предвесенним шумом.

Лес мягчит человеческую обиду и злобу.

Мартовским поздним вечером к Игнату приехал Влас, и с ним Сема Калгаш, мужиченко юркий и весь какой-то растрепанный.

— Дай, думаю, брата проведаю,— сказал Влас входя в сторожку. Хоть, думаю, и обидел меня брат кровно, вором назвал при всем честном народе, ну, думаю, ладно... Как живете-можете?— и Влас сел на лавку, у окна, рядом с ним—Сема.

«Совесть, знать, взяла»,—подумал Игнат про брата.

Влас принес ребятам леденцов, сдобных баранок, колбасы, поставил бутылку вина на стол—и угощал Игната папиросами из красивой коробки.

Игнат был растроган любезностью брата и, выпив вина, он, как самому близкому и дорогому другу, жаловался Власу на жизнь.

Сема Калгаш говорил мало, часто выходил смотреть лошадь, а когда у Игната помутились глаза, Влас подмигнул ему и вызвал из сторожки.

— Я, брат, не жадный... Вот... Давай ему гостинцы, Сема.

Сема вытащил из саней мешок муки.

— Пшеничная,—сказал Влас. Неси, Сема, сюда, в сени...

Игнат был удивлен.

— А... а... Ничего... за это?—спросил он у Власа.

— Брось,—махнул рукой Влас. Давай, там, Сема, неси... Сема притащил ящик.

— Чай,—сказал Влас. Игната от неожиданности забила дрожь.

— Слышь... брат...

— Не сомневайся ты,—глухо ответил Влас. Это вот, Татьяне, на платья,—сунул он в руки Игнату сверток.

— Все,—сказал Калгаш.

Лошадь громко фыркнула, прислушиваясь к лесной синей тишине.

V

Татьянин вой, как горячими клещами, сжимал сердце.

— Не вой, гражданка,—успокаивал ее милиционер. Слезами не поможешь.

Игнат молчал. Они шли в город той же поляной, где всегда ходил Игнат.

День был хмурый, сырой и какой-то пухлый.

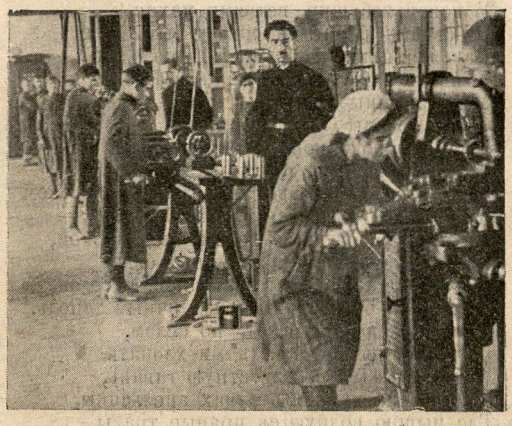
Когда подходили к милицейскому отделению, Игнатом овладело какое-то отупение.

— Ни в чем я не виноват,—сказал он. Подвох тут. Он вспомнил старожку, лес, глубокие снега и весенних ожидающих весну птиц.

НА ПОД'ЕМЕ.

На тульском сахарном заводе в 1928 году оборудована конвейерная система подачи сахарных голов.

Фабзавуч медпопрокатного завода пополняет армию рабочих завода квалифицированными молодыми рабочими.

Стихи

Заводское.

У меня от гула—гуда
Хмель и песенный порыв
Нерастраченная удаль
Юной, пламенной поры.

Миллионно-вольтным током
Пробегает в жилах кровь.
И растет, растет широко
Беспредельная любовь.

Ко всему, что под ударом
Будет новым и большим;
Ко всему—о чем недаром
Льются песни из души.

Ой, звени, звени лебедка,
Громовые гулы дня!
Этот мир из солнца соткан—
Соткан в рифмы у меня.

Мир мой новый; мир каленый
Новым, яростным огнем.
Эти песни, эти звоны,
Это—быль моя о нем!

Демьян Костенко.

Признанье.

Свой путь поэтический
Знаю я,
Но быть, очевидно,
Беде.
Ведь, люблю я деревню,
Люблю поля,
Но петь принужден
О руде!

Кругом МО СОЛОВушки
Глазки продрав,
Кричат, привыкая
К труду:
— «Сегодня ты, Рудин,
Совсем не прав—
Если ты Рудин,—давай руду!»

И вот, в тупике величайшем я.
И быть, очевидно, беде.
Ведь, люблю я деревню,
Люблю поля,
Но петь принужден о руде.

М. Рудин.

Осенний лес.

Читать люблю не только книгу,
Не только слушать скрипача:
Я выйду осенью за ригу,
Где золотиться лес начал.
Печальный лес. Он с тихой грустью
Ронял багряный первый лист.
И в глушь лесную заберусь я,
Где смолк веселый птичий свист.
Деревья в золото оделись,
Но красоты в них прежней нет:
Увяла девственная прелесть
Его листвы. Багряный цвет
Был просто скорбною улыбкой,
Какую выдавил больной...
И много, много, мыслью гибкой,
Читал я в повести лесной.
Напился крови лист осины,
Цветет лимонным цветом клен,—
На охладевшем небе синем
Увядшим солнцем светит он.
Как лев косматый, на опушке
Ногой уперся рыжий дуб;
И липы—темные старушки—
За ним безропотно идут...
...Ничто покой здесь не нарушит,
Ничто не может мне мешать
Лесную музыку послушать,
Лесную повесть прочитать.

Ив. Елизаров.

ЛОЗИНА.

Не гнули садовники старые спины,
Ее не растили с любовным терпеньем.
Бездомною выросла эта лозина,
Как все лозины без исключения.
Под дымкой рассвета холодною ранью
Ветви лозины скрипели и стыли,
И дождь ее сек, и буран ее ранил,
И бури над ней в вышине проходили.
У новой избушки, ветвями махая,
По-своему песни ей, может быть, пела.
Как женщина—гибкой была молодая,
А после поблекла и очерствела..
Мимо лозины—дорога в поле,
Сзади лозины—чахлые гумна.
Избе под бока понатыкали колья,
А старый хозяин от старости умер.
Быть может, в бурю с мучительным стоном
Лозина про долю все плакала вдовью?—
Старушка в избенке лежит пред иконой,
А сын на полатях кашляет кровью.
Не может лозина быть пышной, веселой,
Как липа, береза иль праздничный тополь.
Она рождена шелестеть по селам,
О крышу дырявую ветками хлопать.
А тучи уходят в безвестную гавань,
Где солнце купает в лучах апельсины,
Где пышно волнуются пряные травы
И в море ныряет клочок парусины.

Но годы тащились по пыльным дорогам
Под небом холодным, под северным небом,
А парня с чахоткой сослали в остроги
За то, что он больше, чем следует, требовал.
Он умер,—сломившись, как ветвь, на чужбине,
Где жесткого снега клубятся отары,
Пред смертью он думал о старой лозине,
О старой избенке и матери старой.
Ударили грозы Взревели, вскрутили,
Ветром весенним на села подуло,
Лозину ружейным огнем решетили
И пеною солнце вскипало на дулах.
Скосили избенку, построили домик,
Машина рокочет весь день за овином.
По-старому падают снежные комья,
По-новому бури гудят над лозиной.
Лозина ветвями махает, махает,
Быть может, им песню пропеть захотела?
Как женщина,—гибкой была молодая,
А после поблекла и очерствела...
Из города в поле столбы зашагали,
На крышу лег провод упругий и синий,
Чтоб старые ветви ему не мешали—
Под корень вогнали пилу лозине.
Она рождена шелестеть по селам,
О крышу дырявую ветками хлопать...
Срубили лозину. Большой и веселый
На месте лозины поднимается тополь.

Ив. Костин.

Жертва кулацкого террора.

2 декабря в Любеньском сельсовете обнаглевшим кулачьем был тяжело ранен член избирательной комиссии стойкий и преданный партии коммунист т. Дмитрий Бандиков. Привезенный в Тулу т. Бандиков на третьи сутки скончался в больнице имени Семашко. У гроба покойного в Инженерно-техническом клубе побывало свыше десяти тысяч рабочих и работниц. Похороны тов. Бандикова превратились в многотысячную демонстрацию трудящихся. На террористический акт кулачества рабочие ответили массовым вступлением в компартию.

На снимке: 1) тов. Бандиков в гробу. 2) Почетный караул у гроба.

„МЕДВЕДЬ“.

Рассказ Ф. Кузнецова.

Я и познакомился с ним на заводе утром за чаем. Он сидел за своим просаленным столиком, наливал в глиняную кружку чай и ел хлеб с колбасой.

Он был среднего роста, с широкой сутуловатой спиной, с длинными руками, обросшими волосами, с крупными чертами лица и с стриженой под бобрик головой. Его звали Алексеем Прокофьевичем Пневым. Но никогда никто по имени его не величал, а все звали за обросшую усадистую фигуру «Медведь», и так за ним осталась эта кличка навсегда.

Силой Пнев обладал необыкновенной и десять пудов для него поднять — пустяк. Но Пнев силу зря не тратил и работал спрохвальца, но аккуратно.

— Э, куда спешить,—говорил он,—пролетарий богатый не будет, а в бедности не привыкать жить. Нужно себя беречь, зачем зря...

«Медведь» у начальства был на хорошем счету за его спокойный характер. Но Пнев не был спокоен, он кипел негодованием на начальство, на мастеров и все хранил у себя внутри.

— Рабочие темные—жизнь темная... А то бы с этой, да силой каких дел можно сделать... Все перевернуть, — говорил он мне. Порой вот и не знаешь, чем это рабочий так связан, крепко связан. За гроши до поту работает, а молчит.

— Нуждой, темнотой,— говорю я.

— А по-моему, единства у нас нет, каждый вразброд живет. Разброда-то этого не должно быть. Спаяться бы нужно такой силе... Эх! Никто бы тогда против ее не устоял... А я думаю, все-таки время придет, всколыхнется... Вот... а?

Опять прошел мастер и прокричал:

— Довольно разговором заниматься! На работу!

«Медведь» зло исподлобья посмотрел на мастера и принялся шабрить станину. Он работал, и искры металла сыпались из-под стального шабера.

— Довольно, иди! — обратился он ко мне — Ишь, сволочь, ходит. Иди, поговорим после.

Я повернулся и пошел к тискам.

По окончании работы смены «Медведь» подошел ко мне и спросил:

— Ты политикой занимаешься?

— Нет, не доверяясь ему,—ответил я.

— Плохо.

— Чем?

— Плохо. Нужно заниматься. И сунул мне украдкой в руку брошюрку Лассаля.— Вот прочитай... многое узнаешь. Только аккуратней. Понял?

Я кивнул ему головой и сказал:

— Прочту.

— А у тебя есть какие книги?

— Есть.

— Так, наверно,— пустые?

— Нет... есть и хорошие...

— Ну, ну... Если хорошие, то ничего. Когда прочтешь книжку, приходи ко мне на квартиру, еще дам. У меня книжек много.

Я обещался быть.

Наступило воскресенье, я отправился к Пневу. Жил он далеко, за рекой, к Московской заставе. Пришел. Пнев был дома. В его квартире я застал знакомого слесаря Чикова, тощего человека с землистым лицом.

— Знакомься. Анархист Чиков, помешан на Прудоне и Штирнере. Идейно еще не окреп.

Чиков смотрел на меня и улыбался.

— «Медведь» против анархистов,— заметил Чиков.

— Против... А кто же может согласиться с вами... Вы идеалисты, мечтатели.

— А вы не то же самое?

Батенька, далеко нет. Мы за последовательность борьбы... Ну, как, прочитали книжку?— обратился он ко мне.

— Прочитал.

— Хорошая книжка. Вот, выбирай еще.

Он мне открыл небольшой шкафчик.

Помню, я выбрал сочинения Плеханова и Каутского.

Мы сидели долго. Чиков спорил с Пневым, но я чувствовал, что «Медведь» его побеждал».

II.

Война тянулась и тянулась. Конец 1916 года. В массах чувствовалось брожение. В нашей мастерской ежедневно разбрасывались брошюры.

За столиком «Медведя» каждое утро шел разговор о Петрограде, войне, о неизбежности восстаний. Мы усиленно вели агитацию.

Но вот однажды Пнев на работу не пришел, но никто не знал, почему, хотя смутно каждый из нас догадывался о том, что он арестован.

Ко мне подошел Чиков и сказал:

— «Медведя» забрали... слышал?

— Когда?

— Сегодня ночью. Смотри — начальство забегало.

Действительно по мастерской то и дело мимо нас проходило начальство: инженеры, мастера, подмастерья... Потом уходили в контору, в кабинет начальника с донесениями. А через некоторое время в мастерскую вошел и сам начальник в серой шинели, с золотыми погонами, в чине полковника. Был он маленького роста, с быстрыми черными глазами, блестевшими через очки с золотой оправой. На нем были ярко начищенные сапоги. Он шел, меланхолически постукивая по асфальту шпорами, заложив руки за спину и подозрительно оглядываясь по сторонам.

Мы, как будто не замечая, работали около тисков. Я делал в это время подгонку супорта к фрезерному станку. Начальник подошел ко мне и спросил:

— Ты давно работаешь на производстве?

— Десять лет, господин начальник!

— Гм... Политикой не занимаешься?

— Политикой?.. Не понимаю я этого слова— притворно ответил я.

— Не понимаете... Не понимаете... Подлецы! — и отошел, блестя сапогами и стуча шпорами.

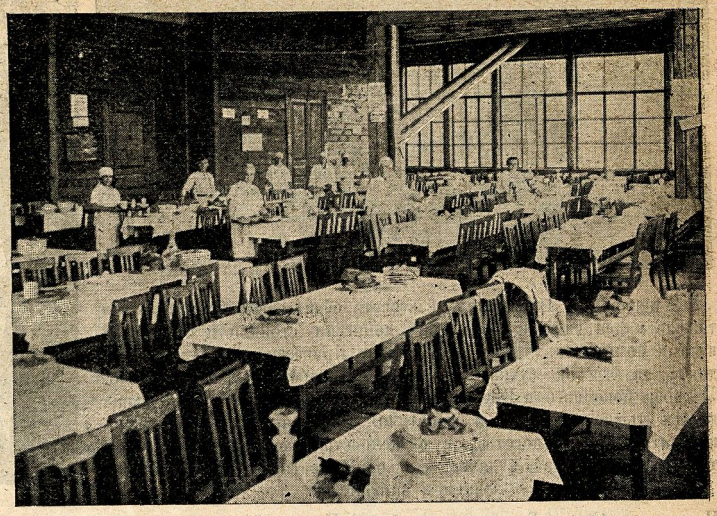
Чиков посмотрел на меня и улыбнулся.

В шесть часов мы кончили и встали в очередь в проходной. Нас пускали в три прохода. Сторожа тщательно нас обыскивали: лезли под пальто, в карманы, некоторых заставляли разуваться.

Чиков шутил с сторожами:

— Что... ай политику ищете... она в мастерской осталась.

Рабочий отдых.

В текущем году губстрахкассой открыты дома отдыха в Алексине, где побывало до 4 тысяч отдыхающих. На снимке — столовая домов отдыха.

В проходной между нас шныряли какие-то подозрительные лица.

С работы мне пришлось итти по главной улице. Горели ярко электрические фонари, бросая по сторонам большие блики.

По тротуарам торопливо шли пешеходы то в том, то в другом направлении. На углу мне нужно было загибать на другую улицу, и вдруг прямо передо мной выросли два жандарма и Пнев. Он кивнул мне слегка головой и улыбнулся, а жандарм крикнул на меня:

— Дорогу!

Я уступил дорогу, но не жандармам, нет, а этому большому человеку, товарищу, которого мы все звали «Медведь».

III.

С тех пор прошло десять лет, а я не встречал «Медведя»; думал, погиб большой, сильный человек в сумятице жизни, в революционном беге истории. Десять лет это—не шутка в буре, вихре и борьбе. Но нет, я глубоко ошибся.

Однажды я шел по улице большого фабричного города... И вдруг навстречу мне «Медведь».

— Товарищ! Пнев! — крикнул я.— Ты ли это!?

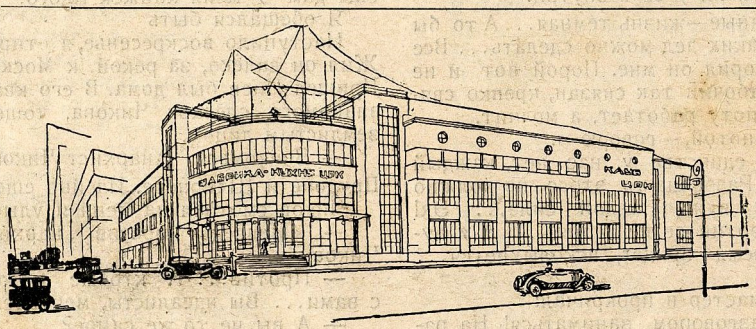
— Я... Ты, Петров? Батенька, вот случай! Не думал... не думал встретиться. Как сюда попал?

— Как видишь.

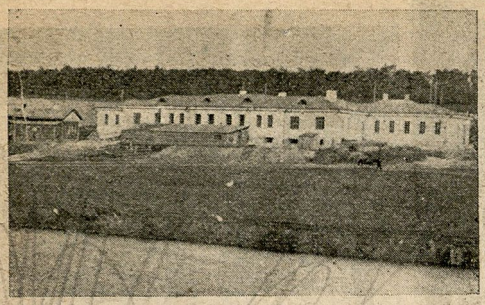
— Чорт возьми! Пойдем ко мне!

Он подхватил меня под руку, и мы пошли.

— Как живешь? — спросил я.

В Туле на месте снесенных „Старых рядов" строится фабрика-кухня ЦРК. Фабрика будет построена в будущем году. Здесь помещен проект фабрики-кухни.

К 11 годовщине Октября на Косой Горе открылась новая больница.

— Живу... хорошо живу, дружище... Я очень доволен, что тебя встретил... Вот...а...

— Он был такой же большой и жизнерадостный.

Мы пришли. Он скинул широкое пальто. Раздел меня, сказал:

— Садись. Как я рад... Вот... а...

Я сидел и с любовью смотрел на его прочную фигуру. Он был все тот же... только все лицо усеяно мелкими темными пятнами.

— Что это, Пнев, с твоим лицом случилось?

— Покропили малость Ничего.

— Как покропили?

— Очень просто. Сейчас расскажу. Однажды меня назначили в уезд на продработу. Ну, работали, а время было, сам знаешь, какое — аховое время. Отборка хлеба. Недовольство крестьян. А тут кулачье агитацию пустило, что, мол, хлеб весь в город увезут, а крестьянам голодать придется. Пошли возмущения против продработников. А Чиков, ты помнишь? — спросил он.

— Как же, помню.

— Помнишь, хорошо... А он как раз со мной работал Малый горячий, невыдержанный, забирает у крестьян все. Я говорю — так нельзя, а он говорит можно.

Вот на этой-то почве и началось восстание. Мы как раз в это время в одном крестьянском домике сидели. Слышим шум, крик по улице несется. Вбегает в этот момент один знакомый крестьянин и говорит:

— Товарищи! Убегайте! Убегайте скорей! На селе восстание...

Мы вышли. Смотрим, а народ тут, как тут... Ну, куда ж бежать? Будь, что будет. Остались. Стоим Ждем. Вдруг Чиков выходит и говорит.

— Товарищи! Внимание!

— Что там... Бей их! — кричит один рыжий мужик. Борода широкая, большая.

— Я-те ударю... кулак проклятый!

И Чиков вынул револьвер. Такая выходка взбесила толпу. Несколько человек кинулись на нас. Чиков выстрелил. Слышу — кричат.

— Стрелять, мерзавцы! Бей их!

Ну, думаю — кончено. Пошла стрельба в нас. Меня угостил кто-то мелкой дробью в лицо.

Сначала схватили Чикова. А ночь такая лунная, светлая, как сейчас помню. В природе тишина кругом. идны лица, бороды, глаза мужиков. Блестит у кого-то коса.

Толпа повалила Чикова... мнет... давит каблуками. Раздаются глухие удары... Что-то хрустнуло, и слышу протяжно: ой!... ой... и смолкло.

Меня схватили, повели, толкнули в сарай. Заперли и приставили одного сторожить.

Толпа покатилась дальше с криком, руганью, песнями...

Все затихло Лунный свет льется сквозь трещины сара . Я смотрю в отверстие ворот. Мужик одиноко ходит с дубинкой... Эх, бежать бы,— думаю я. — А как?

Прошли три — четыре часа... Смотрю. Мужика не видно. Думаю — сбить бы ворота. Силенка есть... А если мужик тут? Еще посмотрел— нет. Луна опустилась низко. Эх, выручай сила! Разбежался в сарае, да как плечем в ворота. Ажно хруст в плече и треск сломанных ворот раздался в тишине. Выбежал. Оглянулся кругом. Смотрю — мужик сидит на камне, с дубинкой и спит. Думаю: вчера я в твоих руках был, а теперь ты в моих. Но кто ты бедняк: или кулак — не знаю... Живи. И пошел осторожно, крадучись, в лес.

— Я-то спасся, а вот Чикова жаль. Анархист он. Горячий человек был.

— Ну, ничего, все проходит, десять лет уже живем при новых условиях. А из какой неразберихи выбрались — жуть одна. Раньше по книжкам социализму учились; а теперь на практике строим... Правда, неумело, с ошибками, а строим...

Он кончил говорить. Вскипел самовар, и мы стали с ним пить чай.

— Помните, как мы в мастерской вместе чай пили?... Вот... а?

— Как же... хорошо помню.

— Ты сочинения Ленина читал? — задал он мне, как прежде, вопрос.

— Кое-что читал.

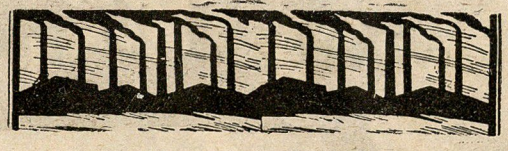
— Плохо. Ты возьми у меня полное собрание сочинений.

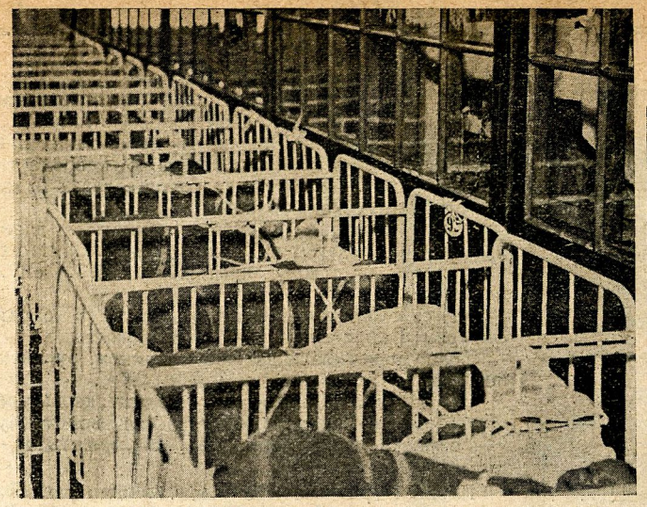
Я долго с ним сидел и вел беседу. Потом простились. Его твердая ладонь горячо легла в мою руку и, казалось, что сила этой руки передалась мне. Радость жизни потоком прошла по моему телу. Я был счастлив тем большим органическим счастьем, которому имя: здоровье, борьба и сила.

— Заходи чаще. Только вот работы много. Ну, ничего, мы работы не боимся.

Я вышел. Августовский вечер дышал прохладой. Догорал закат. Деревья тихо шумели на бульваре. Я думал о «Медведе».

Ф. Кузнецов.

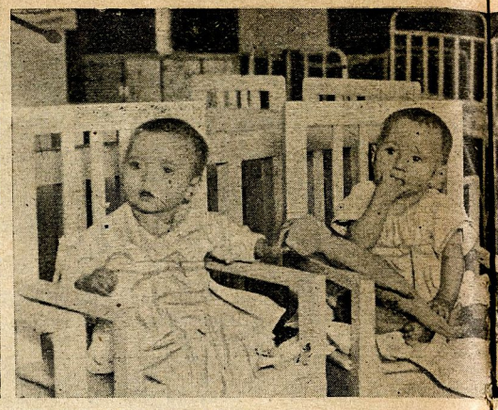

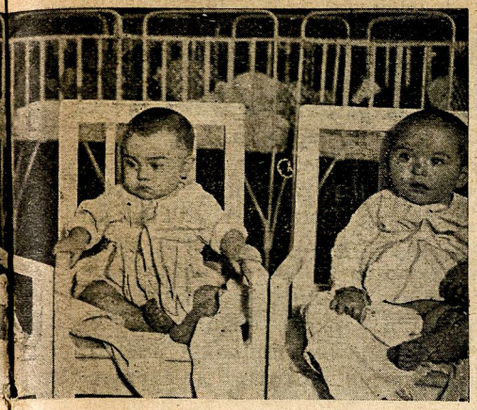

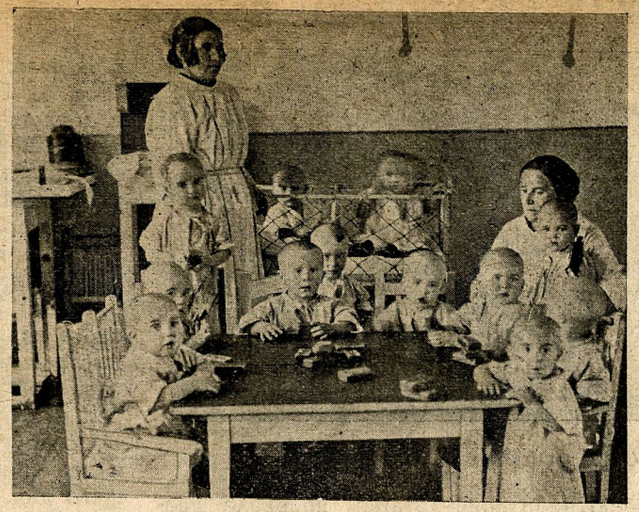
Очерк М. Калугина.

ДЕТИ

Фото В. Сэпп.

В белом халате вышла из операционной комнаты няня. На руках у нее — белый сверточек с копошащимся существом.

Родился человек!

Он еще не имеет имени. О нем еще не знают ни отец, ни ЗАГС.

Он почувствовал свое появление на свет и громко кричит, словно давая о себе знать и что-то требуя.

Крикуна принесли к врачу. Врач вставил в свои уши два конца резиновой трубочки и с серьезным видом начал выслушивать биение сердца и дыхание крохотного человека. Потом обмакнул в чернила перо и вписал в книгу новорожденного.

Человек вошел в жизнь.

На его ручке прикреплена полоска из парафиновой бумаги, где написано имя и фамилия его матери.

В родильном доме ежедневно рождаются десятки детей, так похожих один на одного, что без заметок их легко перепутать. Все кроватки, постельки и белье, в которое одевают новорожденного, ничем не отличены одни от других.

Одинакова здесь и забота о новорожденных. Для всех детей—один почет, за всеми ухаживают с величайшей любовью.

Утро. Часы показывают 6. Няни давно уже на ногах. Каждая с своего, так сказать, участка берет завернутых в теплые одеяльца детей и выносит в просторный коридор, где другие няни ожидают детей с тележками. По десятку малышей укладывается в тележке. Их везут в палату, к матерям на кормление.

Малыши кричат и в тележках, и в комнатах на кроватках, и на руках у нянь.

Детей кормят 6 раз в день, через трехчасовой промежуток, с 6 утра до 9 вечера.

Пять дней новорожденные находятся в высоком, светлом помещении с чистым и здоровым воздухом.

У Льва Толстого есть следующие строки: „От пятилетнего до меня—шаг, от рождения до пяти лет—ужасающее расстояние".

Проследим, как растет ребенок теперь у нас.

Огромный процент смертности был среди детей до революции. В борьбу с этим выступила сейчас консультация матери и ребенка.

Зайдемте в консультацию.

Рядами стоят чистенькие высокие кроватки для детей и стулья около—для матерей.

Матери сидят без верхнего платья, ожидают очереди взвешивания детей. Здесь же на стенах десятки плакатов. Они говорят, как кормить ребенка, как держать, пеленать, мыть и т. п.

— Видишь, какой урод нарисован,— шепчутся женщины, глядя на плакат, изображающий неправильное развитие ребенка от чрезмерного питания и скручивания во время пеленания.

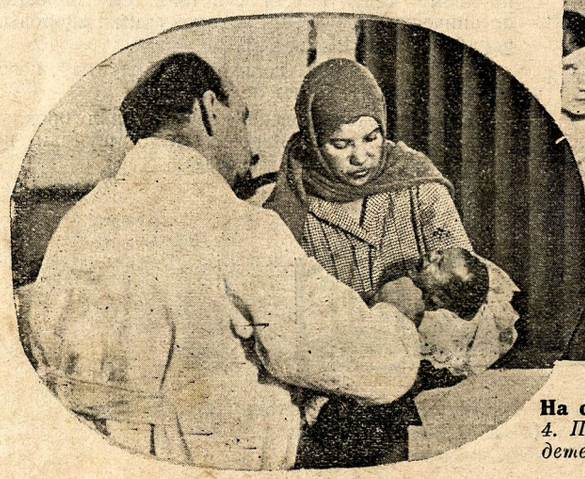
— У Настасьи Казаченковой ни дать, ни взять такой мальчик.

— Что ж она довела до этого? Доктор-то ей что говорил?

— Не ходит она к доктору.

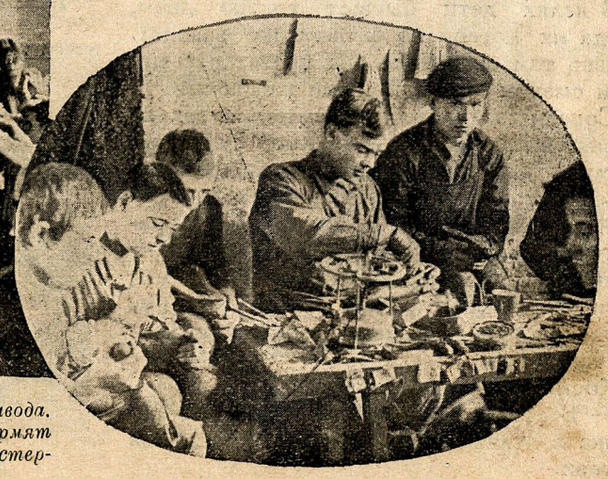
— Вот чудная-то! Разве так-то можно?

— Подишь ты, втолкуй дуре. Пичкает день и ночь ребенка, вот и появился рахит: живот больше самого, а голова больше живота. Страсть глядеть.

На снимках: *1. Новорожденные в кроватках. 2. Дети в яслях завода № 1. 3. В яслях медно-прокатного завода. 4. Пионерки Заречья за рукоделием. 5. На осмотре у врача. 6. Открытые ясли при заводе № 1. Матери кормят детей. 7. В детском саде завода № 1 (в Заречье). 8. Бывшие беспризорные обучаются сапожному делу в мастерской о-ва «Друг детей».*

Октябрята Заречья. Занятия физкультурой.

Работница консультации прервала разговор женщин, выкликнув одну из них к весам.

На весах взвешиваются все дети. В именную книжку ребенка вносятся изменения в весе. Затем матери несут детей к врачу.

Врач с первого взгляда видит, в чем дело.

— На 500 грамм прибавился ваш ребенок. Прибавка нормальная. А отчего у него рот белый? Соску даете?

— Как же быть-то? За водой надо бежать, а он разорался.

— Все равно не нужно. От крика ему ничего не сделается, а от соски может заболеть, умереть.

Мать, после каждого посещения врача, все больше привыкает к правильному уходу за своим ребенком. Ей помогает консультация.

Если смертность среди детей, которых не приносят на осмотр в консультацию, доходит до 20 проц, то среди детей, воспитываемых по советам врачей, смертность пала на 5 проц

В яслях дети бывают только днем, когда их матери работают на заводах. Жизнь там особенная: она цветет рассыпным смехом детей, милыми улыбками.

Совсем маленькие дети, умеющие только смеяться, да плакать, важно сидят на стульях, как в президиуме. Каждый по-своему что-то кричит, калякает, погруженный в работу с игрушками. Через определенные промежутки времени приходят к ним матери кормить их. Увидя матерей, дети поднимают целый концерт, требуя пищи. За криком слышно только чмоканье сосущих губ.

Кормят детей 4—5 раз в день.

— В сто раз спокойнее оставлять ребенка в яслях, нежели дома,—отзываются матери.

В яслях для детей—все. Дети возрастом от 1½ года до 4 лет помещаются в другом помещении. На чистом полу целый день работа. Здесь разноцветные кубики, карточки ложатся рядами, треугольниками, квадратами. Из этих кубиков дети строят домики, паровозы.

„Строительство“ увлекает детей. Попробуй кто завали домик или паровоз, ребенок „надуется“, соберет кубики и снова начнет строить. А вот три малыша выстроили какую-то вышку и назвали ее „целквой“. Отошел один поодаль, посмотрел и запустил в церковь башмаком.

После гудка за детьми приходят матери, и игрушки остаются забытыми до следующего дня...

Дом пионеров в Заречье.

По комнатам шум, идут занятия 4-х отрядов.

Дети-октябрята, пионеры—ежедневно занимаются в своих кружках. Здесь бывают и игры. Но главное в отрядах—учеба. Кружки выпиливания, лепки, вышивания, столярных работ и проч.

За столами с лобзиками в руках, сосредоточенно идет работа по выпиливанию.

— Вот наша работа!—показывают пионеры аэропланы и пароходы.—Будем комсомольцами—поедем на моря!

Девочки научились вышивать на полотнищах лозунги. Они очень желают выучиться художественному вышиванию.

— Дома нельзя работать и учиться, там впору помогать старшим. А здесь времени много и учат хорошо.

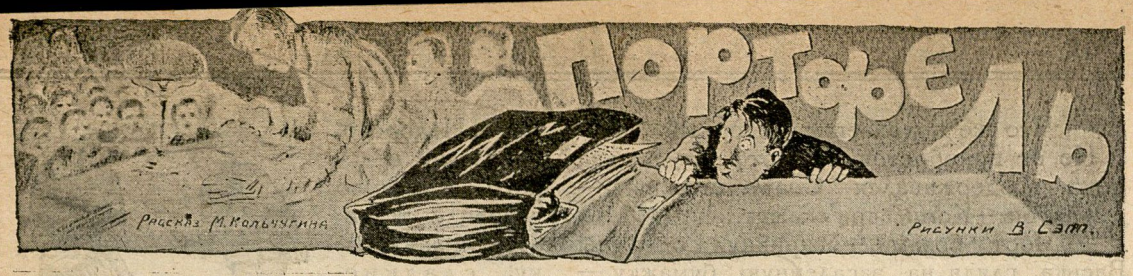
Подготовленные октябрята хорошо занимаются и в школе. Преподаватели всегда говорят одно:

— Пионеры и октябрята — способные, вежливые, образцовые ребята. У них и другие дети набираются хорошего.

Так растет смена строителей социализма!

В школе имени Глеба Успенского.

НИ одного человека с портфелем не пройдет, чтобы Васька Бураков не указал пальцем:

— Ишь, чорт, закомиссарился: портфель под мышкой носит. Подумаешь, деловой какой. Небось хлама разного набрал, чтобы полней был...

Но этого мало. Васька изыскивал случай, как бы заглянуть в самое нутро портфеля какого-нибудь комиссара. Ему хотелось точно узнать, что на самом деле находится в портфелях и отчего они так толсты.

Пришлось Ваське однажды на собрании в президиуме сидеть, где перед тысячью рабочих выступал приехавший из центра докладчик. Васька так заинтересовался портфелем этого товарища, что только и ждал удобной минуты, чтобы заглянуть в этот портфель, лежащий тут же на столе. Портфель яснился, как лаковые сапоги, и был чрезвычайно толст.

Когда доклад кончился и докладчик под электрической лампочкой разбирал поданые рабочими записки, Васька осторожно отстегнул замок и заглянул в портфель. Там лежали: газет номеров десять, какие-то книжечки, три пачки папирос и кепка.

— Ишь ты,—подумал Васька,—от дождя должно носит.—И тут же сообразил:

— Оно, конечно, без фуражки хорошо ходить в хорошую погоду, ну, а в дождь неловко: намочит голову, свербеть будет, особенно, если вши водятся...

После собрания Васька говорил рабочим:

— Я так и знал, отчего портфели брюхаты. Вон комиссар картуз носит в нем, да газеты.

— Раз имеет портфель,—отвечали ему,—то нужно чем-нибудь и набить его; с пустым пойдет,—ты же засмеешься, скажешь: „Носит для модели, чтобы все глядели".

— Это еще что,—сказал Никитка Ручкин.—Вы поглядите, чем барышни набивают портфели? Так там вовсе: пудра, зеркало, духи и еще чище, если хотите знать.

— Если бы я был ответственным работником,—говорил Васька,—то никогда портфель не носил бы. Ишь ты, вещь какая! И без него можно обойтись. Ну, там в Совнаркоме, ай еще на каких должностях, так там другое дело: делов по горло...

— Оно, как сказать,—говорили некоторые,—бумажки, вишь, у них важные, по карманам-то истираются, а то и совсем пропадают. Они все говорят, что портфель для них такой же инструмент.

— Для заколачивания большой деньги,—сказал Васька...

II.

На заводе были перевыборы завкома. Когда председатель собрания звонил в колокольчик и кричал:

— Тише, товарищи! Намечайте кандидатов,—то со всех сторон неслось:

— Буракова Василия запиши! Буракова, слышишь ты!

Председатель записал:

— Товарищи, семь кандидатов есть.

— Ограничимся, хватит,—кричали из разных углов.

— Я приступаю к голосованию,—продолжал председатель. Кто за товарища Буракова, подымите руки. Так. Кто против? Так.

Бураков получил большинство голосов, поэтому на второй день хозяйственно уселся в кресло председателя завкома.

— Теперь, брат, держи ухо востро,—оглядывали Ваську рабочие.

— Чуть что—на твои бока. Выборный, нашинский.

— Насколько будет возможно, помогу,—отвечал Васька.

— То-то, смотри, не закомиссарься. Небось, портфель думаешь покупать?

— Да как сказать? посмотрю. Если понадобиться, то и... Как же быть то?

III.

Смотри, не закомиссарься!

Первые дни Бураков привыкал к делам, перекладывал книги, пересматривал бумаги, сдувал с них пыль. Дел действительно оказалось много. Что ни день, то пять-шесть заявлений от рабочих.

— Что же поделаешь: выборный.

Но от приобретения портфеля Васька пока воздерживался Сразу оговорят,— думал он.—Комиссар, скажут...

— Чорт возьми,—вскрикнул однажды Васька, глядя на засаленную бумажку,— в этих дьявольских карманах хоть что изотрешь! И растерять не долго!

— И Васька решил купить портфель.

Как только увидели Ваську рабочие с портфелем под мышкой, так все в один голос:

— А помнишь говорил: хоть на какой работе буду, а портфель носить не стану!

Чорт возьми! В этих карманах хоть что изотрешь!

— Честное слово, ребята, не из-за роскоши Вам же на пользу. Без него ваши же заявления чуть не растерял.

— Небось, тоже фуражку носишь в нем, — ткнул Никитка пальцем в портфель.

— На голове еще ношу, — улыбаясь, пошевелил Васька картуз за козырек.

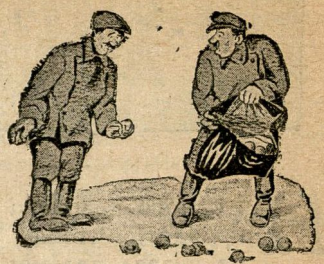
— Смотри, брат, раз из рабочих, то ни на шаг от нас. Не задавайся.

Случилось Ваське пойти в отдел труда, по делам. Оттуда он зашел на базар купить кое-что. Подошел к бабе, продающей с воза розовые яблоки. Приценился.

— Недорого, красавец, недорого, — ласково говорила тетка. —Бери-какадочку: сладкие, как сахар...

— Сыпать-то мне не во что.

— А в чем дело-то? Сюда около меры войдет,—указала она на портфель.

... И яблоки посыпались из портфеля на мостовую.

Васька посмотрел по сторонам. Из знакомых никого не было видно.

— Сыпь! — сказал он.

Баба высыпала.

Стороны от стенок Васька заложил газетами, чтобы не так заметно было, расплатился и пошел домой По дороге он встретился с Никиткой Ручкиным.

— Пухнет?—указал он на портфель.

— Дела, брат,—вздохнул Васька.—Сидишь вот так каждый день и все бумаги, бумаги, бумаги... Целую ночь возишься, просматриваешь.

— Давай закурим штоль, да я побегу,— сказал Никитка.

Васька вытащил папиросы, угостил Никитку и стал закуривать сам.

Когда он зажигал спичку, портфель перевернулся под мышкой Васьки, Васька хотел поправить, но мешали спички и коробка папирос в руках. Портфель вдруг расстегнуся, и яблоки посыпались из портфеля на мостовую.

— Ого, вон, что у тебя в портфеле-то!

— Это я сегодня только. Сыпать некуда было, а яблоки хорошие,—ответил сконфуженный Васька, сунул руку товарищу и побежал прочь.

Под вечер.

Люблю под вечер, тихий, ясный
Бродить у речки, где обрыв.
Люблю закат лилово-красный,
И ветра ласковый порыв.
Проснулась к вечеру деревня.
Уснул вдали зеленый бор,
И за околицей деревьев
Окончен шумный разговор.

У речки промысел рыбачий,
Танцуют окуни в сетях,
А месяц бледный, чуть маяча,
Плывет в далеких небесах.
Люблю под вечер, теплый ясный,
Болтать с природой в тишине,
Когда закат лилово-красный
И листья шепчут в вышине.

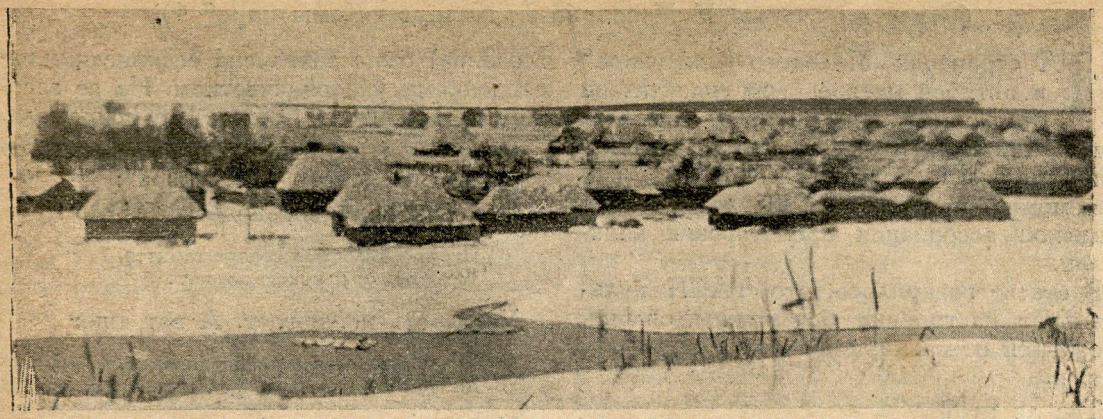
На отдых.

Я знаю, устала ты за день
Снопы золотые вязать
И кланяться шелковой прядью
Колосьям на каждую пядь.
Под шорох волны серебристой
Забудем тяжелый наш труд,
И запах колосьев душистых
Наполнит усталую грудь
Мы долго с тобой не видались,
Закралася в сердце тоска...
Я помню, мы часто встречались
За лесом, где плещет река!
Беззвучно луна засмеялась...
Подкралася кошкою ночь.
Минута отрады настала.—
Приди-же ко мне, не просрочь!

Семен Певзнер.

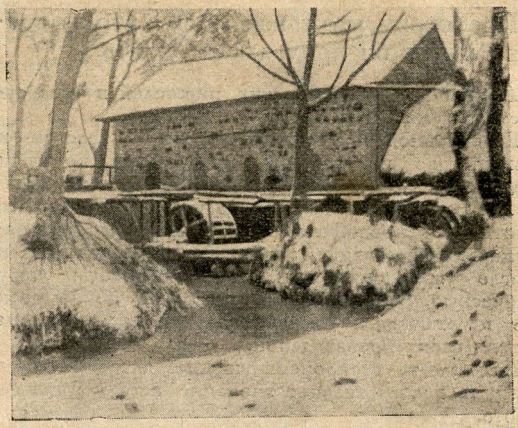
Первый снег.

Фото А. Лесного.

Застыли осенние лужи,
Звенить под ногами земля.
В холодном дыхании стужи
Седые стоят тополя.
С того-ль, что забыто ненастье,
С того-ль, что ребята снуют —
В груди незнакомое счастье,
И рад сть осеннему дню.
А в горле то приступы смеха,
То бойкий мальчишеский крик...
И звездочки первого снега
Ложатся на мой воротник.
Скажу вам: Ну, право же, право,
Не часты такие вот дни...
Вверху, впереди и направо
Огни, и огни, и огни...

Б. Сенопальников.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ОПЫТА.

В МАСТЕРСКОЙ.

Режет уши скрип напильный,
Ему грохот штампа вторит.
Там поет станок сверлильный
И спиралью стружки сорит.

Я пилю,
Пилю железо,
Целый день стою пилю,
Дума новая залезла
Нынче в голову мою.

Я хочу вот эти звуки:
Лязг железа, гул мотора,
Спины, головы и руки
Перелить в особый говор.

В говор радости и света,
В говор бодрости, задора,
Чтобы жизнь неслась кометой
В безграничные просторы.

Павел Грызлов.

Лесной визит.

Мутное утро зябко
Синью ласкает кварталы...
Машет выцветшей тряпкой
Ветер-летун разудалый.
Листья, сорвавшись, вьются,
Как золотые стрекозы...
С ними на землю льются,
Льются осенние слезы...
Город мне,—как-то странно—
Нынче совсем сродни;
Пусть даже воздух туманный
Копотью поит дни.
Полно дремать! Довольно!
Строки, ударьте тревогу!
С вами—не грустно, не больно
Встретить родную дорогу.
Скинул туман завесу.
Ветер, на полный ход!
Значит, опять к лесу.
Значит, опять в поход!

* * *

Так странен и далек
Твоих улыбок след,
Но блещет огонек
Совместных юных лет.
Не потому ль любовь—
Березы и ольхи
И городскую новь
Сплетаю я в стихи...
И мерять мне их тон,
На городской аршин—
Трамваев перезвон
И стройный гул машин.
А я, до боли сжав
Твой маленький платок,
Вдыхаю звон дубрав
И хмель осенних строк.
Солнце дни труда
Нам в золото кует...
А молодость годам
Венки из песен вьет.
Прощай, листвяный кров,
До радостной весны.
Несу в задор гудков
Твои шальные сны...
Пусть уличный гранит
Гудит наперебой...
Пусть молодость горит
Строительством, борьбой.

Ив. Юдин.

Об одном наскоке на ряды ТАПП.

(Ответ на статью М. Мосолова в „Молодом Коммунаре“ *).

На страницах „Молодого Коммунара“ в октябре месяце была напечатана статья под сенсационным заголовком: „Живой труп“. Речь шла не о белой эмиграции или соглашательской с.-д., как это можно подумать по заголовку, а о... тульской ассоциации пролетарских писателей.

В статье говорилось, что ТАПП культивирует настроения богемщины, склоки, оторвался от жизни; не работает, не учится и т. п.

Так ли это?

Посмотрим, что такое ТАПП, что им сделано и что он продолжает делать.

Ассоциация пролетарских писателей в Туле существует уже шесть лет.

Ее основной постоянный кадр в 30 человек—в большинстве из рабочих, меньше из крестьян и единицы служащих. Эти люди, учившиеся когда-то „за меру картошек“, теперь, несмотря на то, что заняты на основной производственной работе и нагружены общественной работой, преодолевают,—и многие уже преодолели,—общую учебу и учебу творческую. В ассоциации сейчас до 35 человек уже печатаются и семью товарищами выпущены книжки своих произведений.

Надо иметь стопроцентную предвзятость, чтобы отрицать воспитательное значение ассоциации в ее работе.

Ядро „стариков“ организовывало,—и по сей день продолжает об'единять вокруг себя,— писательский молодняк. Это ядро бесконечно далеко от какой бы то ни было богемщины, пьянства, распутства и проч. грехов, которые им приписывает автор „Живого трупа“.

Но грех в ассоциации есть. И прежде, чем огульно выносить обвинения, надо разобраться, насколько повинен ТАПП.

В тульскую ассоциацию пролетарских писателей пришли молодые поэты из литературной группы, носившей название „Молодняк“, организовавшейся при газете „Молодой Коммунар“. В этой группе, тогда не имевшей ни платформы, ни определенных задач, царили убеждения „искусства для искусства“. Группа эта упорно и долго не хотела итти в ТАПП, потому что там-де была „тенденция“: ставилась задача „организации психики масс в сторону конечных целей пролетариата — социализма“.

Напостовство было упреком в сторону ТАПП.

Группа „Молодняк“ (одним из лидеров которой являлся и редактор „Молодого Коммунара“, автор „Живого трупа“, Мих. Мосолов) была захвачена есенинскими настроениями, упадочничеством. На ее заседаниях смаковался Есенин. Ему подражали.

Для примера приведем выдержки со страниц „Молодого Коммунара“:

Поэт М. Гонимый пишет:

> Пусть усталостью сердце томится,
> Тихо манит к покою погост...

Усталость и... погост. А вот еще:

> Знаю, мне отзвенеть на дорожке,
> Желтой грустью манящей в кабак...

И опять грусть и болезнь:

> В черной грусти больного поэта
> В сердце я никого не впущу.

И „звенел“ „Молодняк“ на есенинской дорожке.

И не шутка была в воспевании кабаков и погостов: мы знаем, что трое из членов „Молодняка“ считали себя кандидатами в небытие. Один из них, А. Токарев, покончил самоубийством, оставив записку, что в жизни он не видит смысла.

Однажды в редакции „Молодого Коммунара“ пьяный подросток N вдохновенно выл стихи Есенина. Некоторые его слушали и пускали слезу. Это были есенинские „радения“.

Второй подобный „литературный вечер“ наблюдали в комсомольском клубе. Там наперебой, под одобрительный смех своих лидеров, читали и распевали похабнейшие стихи и частушки.

Да, это грех. Но этот грех ТАПП от „Молодого Коммунара“ принял и за него сейчас перед тем же „Молодым Коммунаром“ и его молодыми читателями расплачивается.

Это было.

Но что теперь?

Путем совместной работы ТАПП'у удалось ликвидировать есенинские настроения. Молодняк рос на глазах. В его творчестве стали появляться бодрые мотивы борьбы и труда.

Всякие искривления в творчестве в сторону мелкобуржуазных настроений общими усилиями членов ассоциации исправлялись. Творчество членов ТАПП отражало и отражает революционную борьбу, героизм, творческое дело пролетарских и крестьянских масс. Зачастую плоховато—это другое дело.

Правда, в ассоциации пролетарских писателей пишут больше о крестьянской жизни. Но это разве беда?

Мы знаем, литература каждой эпохи создается десятилетиями.

Не легко создать новую пролетарскую литературу. Мы это знаем, работаем над этим, упорно работаем над собой, над своим творчеством, проводя обычно ночи без сна.

---

*) Ответная статья была своевременно сдана в редакцию „Молодого Коммунара“, которая, продержав ее 2 месяца, не поместила до сих пор.

Мы работаем путем коллективной самоучебы, разбора и проработки произведений, литературных бесед.

Вот несколько цифр о нашей работе. Собраний, посвященных этой работе, за полгода было 12 (летом в ТАПП'е бывает перерыв). За год проведено десять литературных вечеров. Это много. Сделано до двадцати разных литературных докладов о творчестве классиков: Некрасова, Горького, Толстого и др. Организованы отделения ТАПП'а: в Белеве, Дубне, Косой Горе. За полгода на литературном кружке рабкоров проведено до десяти литературных бесед.

Весь 1927-28 г. мы издавали литературно-художественный журнал (выпускаем 14-й номер). Путем издания журнала выявлены новые молодые силы. Так, за год из 100 напечатанных стихотворений—37 падает на молодых, начинающих поэтов, впервые выступивших в печати, а из 34 рассказов—7 также принадлежат новым авторам, В прошлом году ассоциацией посланы учиться в ВУЗ'ы на литературные отделения три молодых члена ТАПП.

В этом году в „Молоте" впервые печатали свои стихи и рассказы 30 молодых авторов. Они почти все вступили членами в ассоциацию.

Конечно, о зажиме молодых сил, как видно, не может быть и речи. Глупо также говорить о строчкогонстве. Если придется члену ТАПП в 3 месяца получить 10—15 руб. гонорара за свои стихи и рассказы, то какое же тут строчкогонство?...

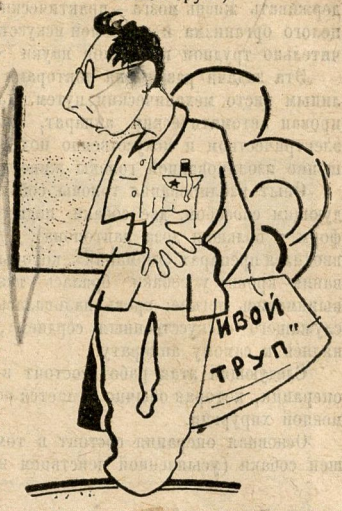
Мих. Мосолов нашел в ассоциации малую рабочую прослойку. Дело в том, что его смущает термин „бывший рабочий", „бывший батрак". Что же поделать, так уж получается: как ушел человек с производства, так он превращается в „бывшего рабочего". Мосолову это трудно понять, потому что лично с ним, видно, такой метаморфозы не происходило. А вот на нашей революционной практике таких „бывших рабочих" весьма много.

Несколько слов о „богеме". О богеме среди писателей — и раньше и теперь, и за границей и у нас — писали много. Не мало писали о богеме среди московских писателей. А вот про Тулу забыли Но „свято место пусто не бывает". И „Молодой Коммунар" заполняет пробел Признаемся,—и никогда не скрывали этого,— два-три комсомольца иногда выпивают. Но по поступкам двух-трех судить о всех— пьяная гипербола.

Конечно, в ТАПП'е много недостатков. Мало учимся. Мало знаем. Мало работаем. Но это, пожалуй, больше потому, что в сутках всего двадцать четыре часа, а в неделе всего семь дней, и что из них шесть дней надо работать, а в седьмой надо итти в ТАПП на собрание. Беда в том, что всякая учеба хотя в грошах, но нуждается очень. А средств в ТАПП'е нет никаких и никто никогда не давал ТАПП'у ни одной копейки.

В заключение можно сказать: основная директива ТАПП'ом выполнена Журнал ТАПП издает и имеет семь тысяч постоянных подписчиков. Первый литературно-художествен. журнал в Туле, распространенный среди рабочих,— огромное достижение. Кто понимает это дело, тот с этим согласится.

„Зажмем нос, читатель"!..
(Из статьи М. Мосолова— «Живой труп»).

М. Мосолов:—Зажмем нос, читатель..

Губком ВКП(б) за этот год трижды заслушивал доклады фракции правления ТАПП; давал указания и не замечал процесса гниения. А вот Мих. Мосолов открыл гнойник на теле советской общественности.

Открыл сразу „всем".

Коли труп, то хорошо. Но труп ли? Не варварское ли погребение заживо?

Ведь, вот „сильные духом", „стоящие близко к замечательной жизни", ни разу не делали попыток помочь нам выправить нашу кривую на диспутах, на вечерах ассоциации, на регулярных общих собраниях. Пусть бы хоть с такой бредовой критикой, подобной мосоловской, выступили там хоть один раз хранители комсомольской нравственности. Не было этого ни разу за все время существования тульской ассоциации пролетарских писателей, несмотря на то, что в ассоциации работает пятьдесят процентов комсомольцев.

ТАПП'у нужна здоровая критика, нужна деловая помощь, нужны указания, как изжить ошибки, как лечить болезни, если они есть, но трафаретный сенсационный обух в междуглазье никому не нужен.

„Переваловские" выкрики о живых трупах ТАПП слышал еще в прошлом году. Похороны пролетарских писательских организаций, потерпев полную неудачу в центре, сейчас перекинулись в провинцию.

Попытки дезорганизовать нашу работу, развалить организацию, чтобы создать „Перевал", или новый „Молодняк" (одно и то же) — эти попытки были и раньше, будут и впредь. Но это нас не пугает и нисколько нам не страшно.

Вас. Старцев

НАУКА и ТЕХНИКА.

Может ли жить отрубленная голова?

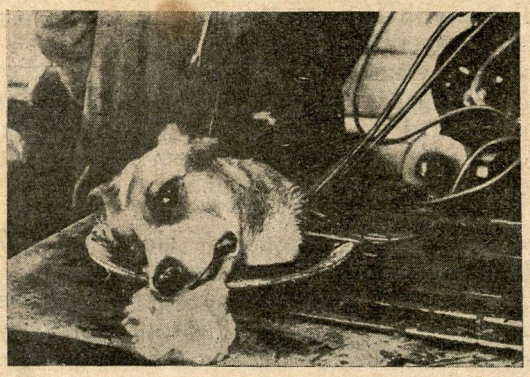
Создание условий, дающих возможность длительно поддерживать жизнь мозга — практически головы, отделенной от целого организма и питаемой искусственно, являлось исключительно трудной проблемой науки и техники.

Эта задача разрешена докторами Брюхоненко и Чечулиным чисто механическим путем. Для этой цели сконструирован автоматический аппарат, приводимый в действие электричеством и искусственно поддерживающий кровообращение изолированной головы животного.

Опыт изолирования головы собаки осуществлялся следующим способом: две собаки подверглись наркозу (хлороформ и большая доза пантопона); в кровь первой собаки вводился препарат «германий», который препятствует свертыванию крови; у собаки бралась вся кровь и осторожно вынимались легкие; кровь наливалась в резервуар аппарата, служащего «искусственным сердцем», а легкие присоединялись к самому аппарату.

Следующий этап работ состоит в производстве главной операции, которая обычно делается по всем правилам современной хирургии.

Основная операция состоит в том, что в нижней части шеи собаки (усыпленной действием наркоза) делается глубокий круговой разрез всех тканей, за исключением самых главных, необходимых для поддержания жизни.

Отрезанная голова, соединенная с аппаратом, автоматически поддерживающим кровообращение, обнаруживает все признаки жизни.

По окончании операции голова собаки оставалась соединенной с телом лишь при помощи четырех крупных шейных кровеносных сосудов и нескольких тонких нервов (как уже отмечено выше, свертываемость крови устранялась помощью вспрыскивания «германия»). Жизнь головы продолжалась и при этих усовиях; однако, нередко наблюдалось и состояние, напоминающее обморок.

После этого наступает решающий момент—отделение головы собаки и присоединение ее к аппарату. Вся трудность задачи состоит в том, чтобы при производстве этого опыта жизнь головы собаки не прерывалась ни на одно мгновенье. Для этого трубки, идущие от аппарата, присоединяются сначала только к некоторым кровеносным сосудам головы. Как только такое присоединение осуществлено, пускается в ход аппарат—«искусственное сердце», и его кровь циркулирует через сосуды головы, продолжая пока помогать работе собственного сердца собаки. Затем уж можно приступить к перерезке остальных сосудов, присоединить их к аппарату и голову окончательно отделить от туловища.

На этом последнем этапе обстановка опыта складывается следующим образом: аппарат—«искусственное сердце»—соединен тянущимися от него трубками с сосудами отрезанной головы; голова лежит на тарелке и в начале производит впечатление спящей,—глаза закрыты и движения отсутствуют.

Видно, как кровь струей течет по всем трубкам, циркулируя по замкнутому кругу так, как это происходит в живом организме.

Видно, что кровь притекает в голову ярко-алой (следовательно, богатая кислородом) и оттекает темной, синеватой, что доказывает нормальность окислительных процессов головы.

Неподвижность и кажущаяся безжизненность изолированной головы зависят в действительности от того, что она погружена в глубокий сон: под конец операции усиливается наркоз, и его действие теперь сказывается в полной мере. Жизнь изолированной головы, однако, легко обнаружить. Для этого достаточно коснуться до роговицы глаза,—веко глаза не только мигает, но даже сощуривается. Несколько позднее (через 20—30 минут) все жизненные проявления делаются более заметными: глаза уже открыты и имеют характерный «живой» вид; голова отвечает движением на самые слабые раздражения; веки мигают не только от прикосновения к глазу, но и при слабом дуновении, при дотрагивании до отдельных волосков бровей, усов и других частей морды; если ущипнуть за ухо, то оно отдернется характерным движением живой собаки.

Боле сильное и продолжительное движение головы вызывается раздражением слизистой оболочки носа. При одном из опытов голова при таком раздражении пришла в бурное движение и едва не оторвалась от трубки; началось кровотечение, и голову пришлось придерживать на тарелке руками. «Живая» голова при этом широко раскрывала рот, скалила зубы, словом, налицо были все движения, характерные при вытье или лае. Кусок пищи (колбаса или сыр), вложенный в рот головы, проглатывался и выделялся из нижнего отрезка пищевода.

Изолированная голова, таким образом, по своим внешним проявлениям ничем не отличается от нормальной головы собаки, находящейся под наркозом. Жизнь изолированной головы могла поддерживаться несколько часов (до 3 с половиной часов).

Многие выражали сомнение—можно ли наблюдавшиеся явления считать проявлением жизни.

Ответом на этот вопрос являются признаки, какие наблюдаются при смерти изолированной головы. Остановка аппарата для искусственного кровообращения вызывала, как правило, картину типичной агонии и смерти: голова судорожно раскрывала рот, как бы делая усиленные дыхательные движения, затем наблюдалось типичное расширение зрачков, глаза делались «стеклянными», с мутным отблеском, и вскоре наступала полная неподвижность. Умирать же, очевидно, может только что-либо живое.

Работы д ров Брюхоненко и Чечулина далеко еще не развернуты. Но опыты, здесь описанные, имеют, несомненно, громаднейшее значение для изучения функций центральной нервной системы млекопитающего, а следовательно и человека. Целый ряд проблем, касающихся нашего мозга, может быть разрешен способом искусственной жизни изолированной головы животного. Эти опыты нуждаются еще в контроле над собой, в самой тщательной их проверке. Но как бы там ни было, работы д-ров Брюхоненко и Чечулина вносят новое в советскую науку, и с большим вниманием и надеждами мы будем следить за продолжением их интересных начинаний.

Сатира и Юмор

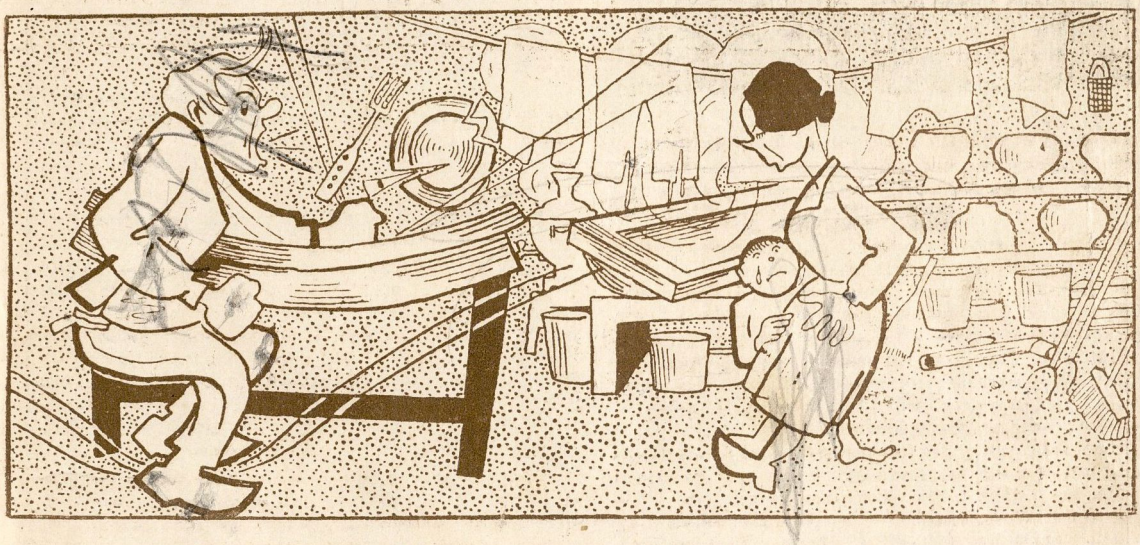
ДВЕ КАРТИНКИ.

Собранье женское в разгаре...
Оратор не жалеет слов:
Сегодня он в большом ударе
И не щадит мужских голов

— Долой над женщиной засилье!
Пора от печек отойти,
Теперь у женщины есть крылья
И в жизни новые пути.

Идя с мужчиной нога в ногу,
Она пусть строит новый быт.
Дорогу женщине, дорогу!
Чтоб жизнь свободную творить!

Дела домашние в разгаре...
Бабенка, не жалея сил,
День целый мечется в угаре,
Чтоб муж, придя, не забранил.
«Эй, Марья, вечно с опозданьем.
Обед опять, поди, сырой?!!

И чорт те носит по собраньям,
С пустою «бабьей» головой.
Ну, что стоишь? Утешь ребенка,
Мальчишка целый час кричит...»
Летает, мечется бабенка,
И долго муж еще ворчит.

Таких картинок в жизни много—
В словах мы не жалеем жару.
Даешь, мол, женщине «дорогу»,—
А мы пойдем по «тротуару».

С. Тихонов.

Издатель—газ. „Коммунар". Редколлегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Гублит № 1338. Тип. Тулпечать—Тула, ул. Коммунаров, 42. Заказ № 7700. Тираж 8000.

ЦЕНА 10 коп.

98

Во всех тульских кино спекулянты вперед зрителей захватывают очереди у'касс, скупают билеты и продают их в два раза дороже.

Рис. А. Жарова.

Спекулянт: Гражданин, 80 коп. за билет на „Белого Орла". Только для вас!
Зритель: Дорого: полтина на Мейерхольда есть, а вот на Качалова 30 коп. нехватает...